

КАК ВЫЙТИ ИЗ КЛИШЕ

Кутюрные коллекции FW 2023.

Явление *haute couture* уже несколько десятилетий требует каких-то дополнительных объяснений факта своего существования — и выдвигаются, как правило, маркетинговые. В этом сезоне, однако, объяснения не понадобились: кутюр сам наглядно продемонстрировал, зачем он нужен.

Елена Стафьева |

СЕЗОН был не выдающимся — неплохим, но не экстраординарным, бывали за последние 10–15 лет сезоны поважней. Но в этот раз кутюр, как, впрочем, и другие подразделения фэшн-системы (мы писали об этом в прошлом номере в обзоре мужских показов), сосредоточился на самом значимом для него — на работе с формой, кроем и силуэтом.

Исторически именно кутюр — поле экспериментальной и вообще любой работы с силуэтом, это в его природе, это его имманентное свойство, несколько ушедшее на второй план за последнее время, но не могущее исчезнуть. Конечно, хвосты, вышивки, кружева и все прочее оснащение красных дорожек и в этом сезоне никуда не делись, но и тут стало ясно, что выезжать на одних кутюрных клише больше не получается. Очевидно также, что сугубо стилистские возможности развития моды — сочетание массового с элитарным и уникального с индустриальным — уже практически исчерпаны, то есть надо искать новые решения.

Стилизм, впрочем, не оставлен — но по лучшей коллекции сезона, а это, безусловно, **Balenciaga**, видно, насколько интересней, когда он сочетается с работой с формой. Открывало показ историческое платье (нумерация кутюрных коллекций ведется от сотворения баленсиаговского мира, последняя имеет номер 52) 1966 года, в котором вышла Даниэль Славик, одна из манекенщиц «кабины» Кристоля Баленсиаги, — по ней его шили, и она же его показывала в 1966-м. Черное платье с вырезом на груди и спине, с черными цветами на плечах и с длинной двойной нитью жемчуга было восстановлено по фотографии, оставшейся в архивах дома, — ничего другого, ни выкроек, ни прототипа, ни самого платья, не сохранилось. И в этом, конечно, был стейтмент: мы делаем кутюр по заветам Кристоля Баленсиаги, то есть главное для нас — форма и крой.

VALENTINO

В прежних своих кутюрных пробах Гвасалия, как правило, просто масштабировал легендарные баленсиаговские силуэты — раздувал и увеличивал или, реже, сжимал и уменьшал. На этот раз он действовал гораздо разнообразнее: он использовал баленсиаговские силуэты, чтобы перевернуть, иронически рассмотреть и выставить на всеобщее обозрение вообще главные кутюрные клише, так, что стала видна их странность, не-

лепость, ограниченность — но и вечная красота.

Знаменитая баленсиаговская спина зас досталась исключительно в своей нелепости леопардовому пальто, стоящему колом; фирменная баленсиаговская линия выреза/ворот, когда шея и голова выступают, будто цветок из вазы, была перенесена на супержесткой конструкции жакеты и платья — и шею эту, наоборот, обрезала. Спины жестких, красивого и

Dior

довольно сложного кроя мужских костюмов были украшены вмятинами; луки с большими пальто и плащами и намотанными поверх них шарфами выглядели так, будто их подняло ветром (искусственным ветром фэшн-съемок), да так они и застыли. Остроумно выглядели парни в джинсах и дутых куртках — совсем незначительно измененных по отношению к обычным, — ходившие, откинувшись назад и выставляя ноги по одной линии, как ходили при отце-основателе: священные стены салона как бы переводили будничную одежду в разряд кутюрной — и гости показа так ее и принимали.

Во всем этом была та самая новая стилистская работа, необходимая для того, чтобы кутюрные клише вновь стали живыми и действенными приемами. Да и коллекция в целом, включая обошедшие все инстаграммы розовый шлейф, латы, платье-диско-шар и тяжелые, чрезвычайно неудобные наряды типа кольчуг, была прекрасно и гармонично собрана.

Другая хорошая новость сезона: Ким Джонс, несомненно, сделал лучшую коллекцию за время своего художественного руководства женским департаментом **Fendi**. Он показал в основном сложно задрапированные однотонные платья красивых цветов — пепельно-телесного, сияющего красного, изумрудного, дымчато-серого, шоколадного или свекольного. Самые интересные — да практически безупречные — были сшиты из шелкового джерси, как у Мадам Гре, то есть идеального для драпировок. Там, где появлялся плотный шелк, держащий форму, получалось чуть тяжелее, но тоже хорошо.

А вот всяческий декор — вышивки, перья, камения, блеск и прозрачность — отвлекал от той чистоты и красоты, которая наконец стала появляться у Кима Джонса. И это понятно: кутюрные клише больше не могут существовать просто так, вне современного контекста. Но в целом можно сказать, что Ким Джонс, один из лучших мужских дизайнеров современности, которому женское давалось настолько сложно, что выглядело вымученным, на-